

Гордеев Ф.И.¹⁾, Тугорский А.В.²⁾, Чиркова А.Х.^{1,3)}

¹⁾ МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии,
ул. Моховая, д. 11, Москва, 125009, Россия

²⁾ МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический факультет, кафедра этнологии,
Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4. Москва, 119192, Россия

³⁾ Центр палеоэтнологических исследований,
Новая площадь, д. 12, корп. 5, Москва, 109012, Россия

ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ О БЕДЖА В ИНТЕРНЕТЕ: ЛОКАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Введение. Статья рассматривает процессы манифестации и конструирования идентичности беджа в сети интернет.

Материалы и методы. Исследование проводилось с позиций междисциплинарного подхода к изучению истории, антропологии, геологии и этнографии региона Этбай в северо-восточном Судане, которое с 2018 г. ведётся Нубийской археолого-антропологической экспедицией МГУ. Авторами отмечается важность интернет-пространства как поля для манифестации идентичности не имеющих государственности народов, в том числе и для беджа. Непосредственный анализ сетевых источников предваряется рассмотрением этнографической общности беджа как таковой, исторических условий и особенностей самовосприятия её представителей. В качестве источников исследования привлекаются комментарии пользователей видеохостинга YouTube к видеороликам, посвящённым истории и культуре беджа.

Результаты и обсуждение. В результате анализа выделяются четыре основных паттерна идентичности беджа: надэтническая кооперация с «арабским миром»; ассоциация беджа с «панкушитской» общностью; и «этническая идентичность», ограниченная рамками самого сообщества беджа. Авторы приходят к выводу о том, что идентичность беджа в интернете конструируется в двух измерениях: «глобальном» - на ресурсах, целевая аудитория которых в основном представлена африканской диаспорой и «локальных» - на каналах, которые посещают в основном жители восточноафриканского региона. Выводы, сделанные в ходе интернет-исследования, сопоставляются с этнографическими материалами, собранными авторами в Этбае среди беджа бишариин, данными физической антропологии и историческими свидетельствами. Также к анализу привлекаются выдержки из интервью с господином Онуром, происходящим из племени беджа эртега (и.о. посла Судана в РФ до 2022 г.).

Заключение. В результате сопоставления всех типов данных авторы приходят к выводу о том, что идентичность беджа обладает высокой степенью лабильности. Делается предположение о том, что причины такой подвижности могут быть связаны с историческими условиями этногенеза беджа на периферии крупных цивилизаций и значительной гетерогенностью исторического населения Восточной пустыни во все рассматриваемые исторические периоды.

Ключевые слова: беджа; идентичность; цифровая этнография; мультилокальная антропология; панарабизм; панафриканизм

Введение

Этнографические (антропологические) исследования беджа северо-востока Судана ведутся авторами настоящей статьи с 2018 года. Они являются частью проекта комплексного исследования региона Этбай [Крол с соавт., 2019; Бухарин, Крол, 2020; Кандинов, Крол, 2021], которое проводится в рамках Нубийской археолого-антропологической экспедиции МГУ. Полевые этнографические исследования начиная с 2020 г. были затруднены сначала пандемией COVID-19, а затем новым витком политического кризиса в Судане. В связи с этим было принято решение дополнять полевые исследования в регионе Этбай альтернативными полями или локусами, трансформируя этнографическое исследование в сторону полилокальности (англ. multi-sited anthropology) [Елфимов, 2020; Marcus, 2012]. В 2021-2022 гг. была проведена серия экспертных интервью с временно исполняющим обязанности посла Республики Судан в РФ Онуром Мохаммедом Онуром¹, который происходит из племени эртега, относящегося к беджа. В 2021 году были начаты исследования сегментов интернета, в которых манифестируется, обсуждается и конструируется то, что в европейских дискурсах может быть названо этнической культурой беджа.

Важность интернета как пространства для дискуссии об этнической идентичности была продемонстрирована в антропологических работах о кряшенах [Белоруссова, 2019] и российских немцев [Киссер, 2019], а также обобщающей монографии «Виртуальная этничность и киберэтнография» А.В. Головнева и названных выше авторов [2021]. В мировой антропологии можно отметить исследования интернет-культуры не имеющих государственности зороастрийцев [Gerth, 2009], курдов [Hongur, 2022], расселенных по многим континентам греков [Diamandaki, 2003].

Интернет не просто служит местом манифестации культуры; зачастую идеи, распространённые в киберпространстве, начинают восприниматься её носителями как не менее значимая этнографическая реальность *sui generis*. Так, в

ответ на вопрос, заданный нами молодому беджа-кочевнику Али² о происхождении его народа, юноша, после некоторых раздумий показал в своем смартфоне видеозапись индийского мужского танца. Али заявил нам, что «беджа пришли из Индии», аргументируя такую точку зрения схожестью традиционных танцев.

Виртуальная реальность даёт принципиально новые возможности для социальных отношений. Самые важные среди них – это анонимность пользователей, а также их «эгалитарность», то есть безусловное право выразить свою собственную точку зрения, не опасаясь социальных или юридических последствий. Однако «сетевое равенство» не стоит переоценивать или же идеализировать ту форму социального общения, которую оно порождает. Так, автор исследования «Эритрея онлайн» [Bernal, 2005, с. 667] отмечает, что в случае с эритрейским форумом «Dehai» («Голос»), в обсуждениях практически не представлено мнение женщин. Другие исследователи указывают на иные негативные стороны анонимности в интернете: «...общение в сети напоминает «интерактивные монологи», где каждый участник повторяет свою собственную точку зрения и систематически отклоняет или критикует комментарии других пользователей...» [Dumoulin, 2002, с. 149-150]. Эти особенности интернета как исследовательского поля мы учитывали в ходе работы.

Особенности идентичности беджа

Беджа – народ, проживающий на северо-востоке Африканского континента в центре Восточной пустыни вдоль побережья Красного моря, преимущественно говорящий на кушитском языке ту-бедауйе (с использованием арабского или тигре для внешних контактов). Территорию их расселения разделяют границы трёх государств: Египта, Судана и Эритреи. Сообщество беджа сегментировано: на высшем уровне классификации находятся «племена» – «габилы», а на низшем – большие семьи. Пять самых крупных «габил» беджа – хадендоуа, бишариин, халенга, бени амер и амар ар.

¹ Отрывки из интервью с господином Онуром публикуются с его согласия. Имена других респондентов, упомянутых в статье, изменены из этических соображений.

² Беджа бишариин (Ум Али, Амраб). Поселение Габай, котловина Ониб (Хофра), провинция Красное море, Республика Судан. Материалы пятого сезона Нубийской экспедиции МГУ (ноябрь-декабрь 2022 г.).

В исследовательской литературе устоялось представление о том, что большая часть беджа ассоциирует себя с различными арабскими племенами [Clark, 1938, Herzog, 1985, Vanhove, 2006; Abdel-Qadr et al., 2012]. Этот паттерн идентификации подкрепляется генеалогическими конструктами, в которых каждая из габил беджа генетически восходит к легендарному предку-арабу, зачастую находящимся в какой-либо родственной связи с пророком. Слова представителя габилы эртега господина Онура свидетельствуют о том, что нарратив арабского происхождения беджа продолжает играть значимую роль в «эмной» перспективе современного сообщества:

«... например, племя эртега. Сами эртега, прибыли из Йемена. Мы... они йеменцы. Причислят себя к йеменцам — арабскому народу, но интегрированному с беджа. Они интегрировались с коренным африканским населением беджа и приняли культуру беджа. Они переняли язык беджа. Но они считают себя арабами [...] Все племена беджа причисляли себя к арабам, которые интегрировались с коренными народами, переняв только их язык»³.

Судя по словам господина Онура, «племенная» идентичность сохраняет доминирующее положение в стране. Он говорит также, что у всех суданцев (как минимум) две идентичности – гражданская и племенная (или региональная), при чём для самих суданцев наибольшее значение имеет именно вторая:

«Например, если кто-то придёт просить руки моей дочери, я спрошу его «откуда ты?» – «Из Судана» – «Я знаю, что из Судана, но откуда? Безродный?!»

Таким образом, нарратив «арабского происхождения» господствует как во внешней исследовательской перспективе, так и среди значительной части представителей самого сообщества. К лингвистическому термину «кушитская общность» исследователи чаще всего обращаются лишь с тем, чтобы атрибутировать язык общения беджа, не рассматривая эту надэтнический таксон как один из возможных вариантов идентичности самих носителей культуры.

Проблемы этногенеза беджа, их лингвистической и этнографической классификации,

определения границ их сообщества нельзя назвать однозначно решёнными по сей день. Как показывают последние исторические исследования, жители Восточной пустыни, проживающие на периферии доминирующих в экономическом и культурном отношении центров, со времён Древнего Египта подвергались императивной идентификации со стороны населения соседствующих с ними цивилизаций [Smith, 2003; Lizska, 2011].

Регион проживания беджа бишариин, в котором проводились исследования Нубийской экспедиции МГУ, обнаружил значительную этническую неоднородность исторического населения этих мест. Антропологическое изучение костных останков Мероитского периода в Северном Судане (некрополь Ком II) привели исследователей к выводам о том, что население было сформированного на основе смешанного субстрата с участием двух морфологических комплексов: экваториального и европеоидного компонентов [Lebedev, Reshetova, 2017, 176].

По последним результатам краниологического исследования черепов из Южного некрополя средневекового памятника Дерахейб было сделано заключение о гетерогенности рассматриваемой выборки. При межгрупповом анализе с контрастными европеоидными и экваториальными группами большая часть индивидов из Дерахейба относятся к европеоидам, в то время как отдельные индивиды демонстрируют экваториальные черты [Крол с соавт., 2023., с. 57; Федорчук с соавт., 2023].

Данные антропологии согласуются с историческими свидетельствами и результатами археологических исследований памятника, говорящими о неоднородности его обитателей. Известно, что через Дерахейб (по арабским источникам аль-Аллаки) в IX–XIII вв. проходил караванный маршрут, по которому товары из арабских и африканских стран, Индии и Китая, доставлялись по Красному морю в порт Айзаб и перевозились через Нубийскую пустыню в расположенный на Ниле верхнеегипетский город Асуан [Крол, 2018]. Через аль-Аллаки лежал путь многих паломников, направляющихся в хадж из стран Магриба, Египта и мусульманской Испании [Крол с соавт., 2023, с. 47]. Также аль-Йакуби в «Книге стран» упоминал, что: «...Вāдй ал-‘Аллāкй подобна большому

³ Здесь и далее перевод авторов.

городу; в ней смешанное население из арабов и неарабов – золотоискателей...» [Кроп, Толмачёва, 2023, в печати].

Несмотря на влияние окружения, долгое время сообществу беджа удавалось интегрировать пришлое население, органично встраивая арабский компонент в свою культуру, сохраняя при этом особенности языка, мировоззрения и образа жизни. Во второй половине XX в. центральное правительство Судана начало политику «суданизации» и «арабизации» [Young, 2007]. Эта инициатива имела определённый успех. Государственная программа переселения беджа в районы интенсивного механизированного земледелия вкрупне с беспрецедентной засухой 1980-90-х годов привела к тому, что значительная часть беджа была вынуждена оставить скотоводческий образ жизни в пользу оседло-сельскохозяйственного или городского [Babiker, Pantuliano, 2006, с. 21]. В условиях внешнего давления в сообществе беджа актуализировался запрос на воспроизводство идентичности, отличной от доминирующей «суданской». Этот запрос в ходе Второй гражданской войны в Судане (1983–2005) принял политические формы и выразился в создании таких организаций как «Конгресс Беджа» и «Восточный фронт».

Урбанизированные и «седентаризированные» беджа, оторванные от земли, а как следствие – от источника воспроизводства своей идентичности, постепенно утрачивали свои особенности и сближались с населением новых мест своего проживания. Многие культурные, брачные и правовые предписания и запреты, которые регулировали отношения пастбищного землевладения в пустыне, в городской среде утратили свою актуальность.

В то же время процесс урбанизации значительно расширил социальные связи сообщества беджа с внешним миром и то информационное поле, в котором они сегодня могут оперировать, что поставило перед сообществом новые вопросы самовосприятия и репрезентации.

Материалы и методы

Отправной точкой в подборе источников в рамках исследования культуры беджа в сети

интернет стали слова респондентов-беджа, которые приводит в своей работе Дж. Янг: «беджа в Порт-Судане и Кассале говорят, что они редко смотрят суданское телевидение из-за его монокультурных программ, но они регулярно включают эритрейское телевидение, где могут смотреть танцы и пение на своём родном языке» [Young, 2007, с. 9].

Исходя из этого свидетельства важности видео-контента для носителей культуры, полем нашего исследования был выбран популярный во всём мире видеохостинг «Youtube». В качестве источников мы обратились к четырём самым популярным (по количеству просмотров и комментариев) видеороликам по запросу «Beja people». Такой выбор был обоснован допущением, что наиболее просматриваемые видео имеют наиболее широкую аудиторию, и в комментариях под ними максимально разнообразный спектр мнений.

Источники предварительно были разделены на две группы, которые условно были названы «глобальными» и «локальными». Критериями типизации выступила предполагаемая целевая аудитория каналов, на которых были размещены видеоролики. Так, видео под заголовком «A History Of The Beja People» на канале «HomeTeam History» было отнесено в категорию «глобальных» на основании того, что канал ведётся из США, а его создатели позиционируют себя как «африканскую диаспору», что позволяет предположить, что основная аудитория канала – постоянно проживающие за пределами континента люди, ассоциирующие себя с народами Африки. К этой же категории было отнесено видео «Beja people – Overview» на канале «pop1987», автор которого проживает в Канаде. К «локальным» источникам были отнесены видео «Beja Song – Sawa 2014 – New Eritrean Music» на канале эритрейского телевидения «ERi-TV 2» и «BEJA TRIBE – TRAD. MUSIC AND DANCE» с канала «NAGA BUNTAVARU». Контент этих каналов значительно отличается от первых двух: это музыкальные видео с изображением традиционных танцев беджа, без закадровых комментариев диктора. Аудитория этих каналов представлена в большей степени жителями интересующего нас региона и в меньшей степени – представителями диаспоры.

Такая типизация позволила рассмотреть различные плоскости манифестации идентичности беджа в интернете – в глобальном кросс-континентальном масштабе и в локальном региональном.

«Арабская» идентичность

Как было сказано выше, идея принадлежности беджа к арабам можно назвать господствующей как в исследовательской литературе, так и в «эмной» перспективе некоторой части сообщества. Она находит своих сторонников и в нашем интернет-поле:

«Я бени амер, и да, мы действительно считаем себя арабами. В нас течёт арабская кровь, и мы говорим по-арабски. В конце концов, мы живем рядом с Красным морем, люди, отрицающие присутствие арабов в районе Африканского Рога, просто отрицают факты и реальность. Я горжусь арабами, в той же степени горжусь и африканцами. Если вы смешаны, зачем отрицать 50% своей идентичности» (англ. яз.).

Комментарий того же автора: *«...на самом деле беджа арабы и гордятся этим. Особенно бени амер. Есть много беджа, особенно в старшем поколении, которые никогда не отдадут своих дочерей кому-то, кто не из арабского племени. Иногда подсознательно беджа-араб может быть немного расистом, поскольку некоторые считают «чёрных» неполноценными. Что, конечно, неправильно. Но я пытаюсь сказать, что в беджа всё как раз наоборот. Хотя они афро-арабская смесь, когда их называют чёрными, они воспринимают это как оскорбление»* (англ. яз).

Несмотря на то, что такая позиция находит некоторую поддержку, обращает на себя внимание лишь незначительное количество подобных комментариев. На страницах интернет-ресурса сильную конкуренцию арабской идентичности беджа составляет кушитская «версия». Примечательно, что люди, относящие себя к кушитам, представляются беджа, что позволяет нам говорить о кушитской общности уже не как о таксоне лингвистической классификации, а как об одном из паттернов культурной идентичности.

«Я принадлежу народам тубу и беджа. Моя мама всегда говорила мне, что мы – кушиты. Я

не называю себя арабом, потому что они не считают нас настоящими арабами». (англ. яз).

Или: *«Нет, нет и нет! Я – тигре, и беджа жили рядом с нами на протяжении тысячелетий ... многие говорят на тигре как на первом или втором языке. они не считают себя арабами ... если вы назовете беджа арабом, вам надают по заднице. Они считают себя беджа и чернокожими африканцами. Мне надоело, что другие люди пытаются определить африканцев как нечто иное, чем чернокожие африканцы. Надеюсь, я ответил на ваш вопрос»* (англ. яз).

Определённо эмная перспектива первого свидетельства, поддержанного 54 другими людьми, на наш взгляд, является достаточным основанием для того, чтобы рассматривать кушитскую концепцию как одну из реально конкурирующих стратегий самоидентификации в среде современных беджа. Учитывая то, что автор апеллирует к личному опыту и знанию предков («моя мама говорила мне»), судя по всему, такая точка зрения является значимой, по крайней мере, для части сообщества беджа.

Однако, также нет оснований воспринимать эту точку зрения как единственно актуальную для современных беджа. Многие комментаторы отвергают подобную классификацию:

«Нет, они не кушиты, это арабские племена, иммигрировавшие с Аравийского полуострова. И они знают свою историю». (араб. яз).

Обсуждение данного вопроса развивают ораторы, не относящие себя к беджа, но интересующиеся их внутренней точкой зрения на свою идентичность:

«Считают ли беджа себя арабами? Потому что я араб из Катара и считаю их арабами. Я просто хочу знать, что вы парни думаете об этом. Спасибо». (англ. яз).

Комментарий получил множество отзывов, суть которых сводится к отрицательному ответу на вопрос. Большое количество комментаторов в других «ветках» также негативно отнеслись к утверждению о том, что беджа – это арабы.

«Панкушитская» идентичность

«Кушитский» паттерн идентификации беджа находит большее число сторонников среди представителей других кушитских народов.

Так, например, комментатор, идентифицирующий себя как сомали, поддерживает слова

комментатора-беджа о том, что беджа относятся к кушитской общности и выражает благодарность его матери за то, что она сообщила ему верную информацию.

Под видео мы находим большое количество комментариев такого рода:

«Я сомали и я люблю моих братьев и сестёр из беджа. //символ сердечка// КУШИТСКАЯ СЕМЬЯ» (англ. яз.).

«Я член афарского племени из Эритреи... Я люблю моих двоюродных братьев из племени беджа, сомали, оромо, рендиль, кунана ... мы все ЕДИНЫ!» (англ. яз.).

«у многих из людей тигринья Эритреи есть предки из беджа» (англ. яз.).

«Да, их жизнь похожа на жизнь их двоюродных братьев афар в Эфиопии» (англ. яз.).

«Да благословит Аллах наших братьев беджа, [пожелание] от ваших кушитских братьев сомали» (англ. яз.).

Помимо слов поддержки кушитская версия встречает и критику:

«Ты не кушит только нубийцы и беджа кушиты ты другой» (англ. яз.).

«ты понятия не имеешь о чём говоришь народы тигринья не имеют никакого отношения к беджа» (англ. яз.).

«сомали – это не беджа, ты – не беджа» (англ. яз.).

Примечательно, что авторы подобных комментариев не указывают свою собственную «племенную» принадлежность, говоря и о беджа, так и о других кушитских народах в третьем лице.

Помимо критики кушитской идентичности беджа, значительное количество комментариев обращено против самой концепции кушитской общности. Так, один из ораторов выражает противоположное мнение:

«... и снова бессмысленная болтовня про кушитов. Нет такой вещи, как кушитские народы. Беджа и сомали никак не связаны» (англ. яз.).

Зачастую дискуссия перетекает в плоскость цивилизационного противостояния жителей Восточной Африки культурной колонизации и доминирования со стороны западного современного мира.

«Кушиты – лживое европейское изобретение. Никто здесь даже не знает, что это слово значит» (англ. яз.).

«Беджа не кушиты, беджа – это беджа. Мусори своими западными штампами где-нибудь в другом месте» (англ. яз.).

Наличие таких комментариев, отказывающих беджа в праве ассоциировать себя с кушитской общностью, а самой общности – в существовании, можно объяснить третьей тенденцией в стратегиях идентификаций жителей региона. Сторонники этого направления не приемлют идею «кушитского единства» не потому, что она вступает в конкуренцию с панарабистской тенденцией, а по той причине, что она ассоциируется с западным культурным колониализмом, выраженном в императивном конструировании африканских идентичностей.

Беджа – это беджа

Наконец, ещё один способ самовосприятия, который не образуют какого-либо монолитного нарратива, но тем не менее, заслуживает упоминания – это отказ от любой надэтнической идентичности – будь то панарабизм или панкушизм, в пользу этнической или племенной идентификации.

«Беджа — это земля и культура, а не человеческая раса. Вам должно быть стыдно за себя... не пытайтесь украсть имя, которое вам не принадлежит, если только вы не носите седери, меч беджа и танбур»⁴ (араб. яз.).

Несмотря на то, что некоторые беджа тяготеют к ассоциации себя с надэтническими сообществами, расширяя свой культурный ареал за пределы государственных границ, другие не чувствуют единства даже внутри самого сообщества беджа и отказывают в «чистоте этничности» тем, кто проживает в иных хозяйственных и экономических условиях, а оттого приобретает черты, отличные от «идеального» образа жизни беджа.

Комментатор под другим видео, подтверждает эту точку зрения извне:

⁴ Речь идёт о предметах материальной культуры беджа, являющимися этнографическими маркерами сообщества. Седери – элемент традиционной мужской одежды, представляющий из себя жилет чёрного или тёмно-серого цвета, надеваемый поверх длинной мужской рубахи – галабеи. Беджайский меч – традиционный символ мужской доблести, передаваемый из поколения в поколение. Танбур – традиционный музыкальный струнный инструмент.

«Я из Судана, и я не согласен с вами в одной вещи. Беджа не считают и не ассоциируют себя с арабами. Они считают себя беджа и гордятся этим, и, очевидно, им есть чем гордиться, так как они имеют очень глубокую культуру и историю...» (англ. яз.).

Комментаторы-беджа зачастую вообще устраняются от какой-либо политической дискуссии или обсуждения своей идентичности. Их комментарии выглядят обычно следующим образом:

«Никогда не было равных нашему народу хадендоуа» (араб. яз.).

«Приветствую тебя, почтенное племя доблести и гостеприимства, ваш брат из племени бени амер» (араб. яз.).

«Это прекрасно. Приветствую всех, кто говорит на бедауйе» (араб. яз.).

Такой подход к самоидентификации говорит о том, что беджа зачастую воспринимают себя в рамках своего сообщества, не уделяя особого внимания существующим «надэтническим» стратегиям идентификации.

Результаты

Анализ интернет-источников выявил актуальность острой полемики вокруг идентичности беджа как в среде самого сообщества, так и за его пределами. Такое положение дел может свидетельствовать о том, что значительная часть беджа в наши дни находится в состоянии перманентного «поиска» и конструирования идентичности, в том числе через её манифестацию и обсуждение в интернете.

Как в самом сообществе, так и за его пределами пересекаются и конкурируют сразу несколько стратегий надэтнической кооперации с одной стороны и разграничения, дезинтеграции – с другой. Эти стратегии предварительно можно свести к трём основным кластерам, которые были обозначены в работе.

В результате типизации источников с их последующим анализом, были выявлены два измерения, в которых происходит обсуждение и манифестация идентичности беджа. Аудитория «глобальных» ресурсов представлена международным сообществом, простирающимся далеко за пределы Африканского континента. Зачастую комментаторы называют себя «выходцами», а

не представителями народов, от имени которых они говорят («я выходец из народов тубу и беджа», «я из сомали»). Пользователи на таком типе ресурсов предпочитают использовать английский язык как *lingua franca*, что само по себе свидетельствует о гетерогенности их культуры с одной стороны, и о высокой степени вовлечённости в глобальное англоязычное пространство смыслов – с другой. На таких площадках не обсуждаются вопросы внутренних и внешних границ самого этнического сообщества беджа и не ставятся вопросы о том, кто «имеет право» причислять себя к этой общности. Комментаторы заняты проблемой классификации беджа на более высоких надэтнических уровнях (будь то «кушитская общность» или «арабский мир»). Широкие идентичности – и это хорошо показывают наши материалы – являются новой формой «навязанной» идентичности для беджа. Однако в качестве носителей культурной власти, транслирующими идею огромного общества, выступают не европейцы, а образованные африканцы, проживающие в Европе и Америке, которые относятся к так называемой «новой африканской диаспоре» [Хохолькова, 2021, с. 197].

Для второго типа источников, которые мы называем «локальные», характерно более широкое использование арабского языка. Значительная часть участников обсуждения представляется по племенной принадлежности. В источниках «локального» типа не так много комментариев, обращённых к вопросам идентичности с концептуальной точки зрения. В преобладающем числе случаев пользователи выражают «радость узнавания». «Приветствую тебя, почтенное племя [речь идет о хадендоуа] доблести и гостеприимства, ваш брат из племени бени амер». В комментарии читается удивление и радость от наблюдения за собственной культурой, а также демонстрация гордости за свой народ.

Несмотря на все эти различия, общей для двух типов обсуждений является интенция её участников к поиску более высокого уровня идентичности. Если в «глобальном» измерении представители «этнических» сообществ обсуждают свою принадлежность к надэтническим объединениям, на «локальном» уровне представители племён беджа, для которых племенное (габильное)

самосознание является основным, ищут идентичность более высокого уровня, и ей оказывает этничность (мы – беджа). По аналогии с введенным Э. Вивейрушем-ди-Кастру понятии онтологического деиксиса [Viveiros-di-Castro, 1998], можно говорить о своеобразном деиксисе идентичности: в каждой конкретной позиции человек ищет более высокий уровень.

С такой точки зрения, арабская и кушитская (как часть панафриканской) идентичности являются противоборствующими, а идентичность беджа находится уровнем ниже. Человек имеющий племенное самосознание ищет более высокий уровень идентичности и называет себя беджа. Однако, когда он осознает этническое единство беджа и начинает себя идентифицировать с этим уровнем общности он вновь оказывается в ситуации, когда возможен выбор идентичности более высокого уровня. Таким образом, во всех описанных случаях, за исключением идентификации беджа с древними меджамиями авторы комментариев в рамках «идентификационного деиксиса» делают шаг на ступеньку вверх. С этой точки зрения противопоставление арабской идентичности (мы арабы) и «этнической» (мы – беджа) теряет смысл, поскольку человек «определившийся» с идентичностью «беджа как беджа» может в рамках идентификационного деиксиса вновь начать поиск более высокого уровня идентичности и считая себя беджа начать ассоциировать себя с более обширными общностями арабов или с кушитов.

Обсуждение

Привлечение интернет-источников к развитию дискуссии об идентичности беджа, на наш взгляд, показало продуктивность такого подхода. Помимо сопоставления материалов исследований виртуального пространства с полевыми данными и свидетельствами, представленными в антропологической литературе, нетнология беджа открывает иные измерения идентичности этого сообщества.

Учитывая гетерогенность исторического населения Восточной пустыни, можно предположить, что постоянный поиск и реконструирование идентичности сами по себе стали отличительной чертой жителей этого региона. Нахо-

дясь на периферии крупных культурных пространств как исторические жители региона, так и современные беджа, испытывали и испытывают «культурное давление» со стороны «цивилизационных центров». Большое количество навязываемых идентичностей и отсутствие четко сформулированного представления о собственной этничности (в противовес «племенному» самосознанию) заставляет беджа искать новые формы идентификации в наши дни.

Выход представителей сообщества в интернет-пространство для обсуждения и манифестации своего места в глобальном мире, кратко усложнил и без того запутанные стратегии идентификации беджа. Попадая в контексты панафриканского или панарабского прозелитизма, африканской диаспоральности, европейского постколониализма и популярной культуры, беджа, зачастую ассоциирующие себя в первую очередь со своей габилой (племенем), вынуждены взаимодействовать с этой новой для себя «паутиной смыслов».

Концепции надэтнической кооперации безусловно являются внешними по отношению к коренному населению Восточной пустыни идеологиями. Тем не менее, на наш взгляд, это не умаляет их значимости в процессе конструирования идентичности беджа, потому как формирование глобальных надэтнических паттернов самовосприятия никогда не обходится без «навязывания» идентичности извне локальным сообществам: симптоматично, что идеи панафриканизма и негритюда возникли в диаспоре и уже позже были восприняты жителями Африканского континента. Интернет значительно расширил возможности конструирования и пропаганды надэтнических концепций кооперации. Так, для выходцев из Африки характерны, например, «всемирная йорубская идентичность» [Попов 2020, с. 93], панафриканская общность «африканцы Бостона» [Бондаренко, 2016, с. 24] и даже более общие идеи: например, афрополитизм – транскультурная идентичность людей африканского происхождения [Хохолькова, 2020, с. 97].

По предварительным результатам интернет-исследований, можно констатировать, что ни один из паттернов надэтнической идентификации, предлагаемый беджа в сети, не имеет абсолютного успеха во внутренней перспективе

сообщества. Тем не менее, общение в интернете позволяет беджа воспроизводить идею о своём единстве как минимум на «этническом» уровне, что в доцифровую эпоху оставалось проблематичным в связи с разреженностью поселений беджа и значительной удалённости мест проживания отдельных габил (племён). Важно отметить, что в конструировании этого «общебеджайского» единства визуальный язык для беджа играет определяющее значение, в то время как случаи вербализированной концептуальной манифестации этничности единичны. «Радость узнавания» относится к проявлениям традиционной культуры, таким как музыка, танец, одежда и «беджайский» образ жизни в целом. Важность материальных этнографических маркеров для воспроизводства идентичности беджа находит подтверждение и вне интернет-пространства. Примечателен случай из нашего разговора с беджа бишариин Джафаром⁵, живущим на границе с Египтом и регулярно её пересекающим в ходе кочевий. В ответ на вопрос, имеет ли он паспорт, Джафар ответил отрицательно и, показав на свой жилет, заявил: «вот мой паспорт», подразумевая что по этому этнографическому признаку пограничный контроль по негласному соглашению пропускает кочевников через государственную границу.

Об этом же говорит и господин Ону, называя седери «торговой маркой беджа». Другой характерный эпизод, свидетельствующий о том, что одежда является важным этнографическим маркером общности беджа для жителей региона, мы находим в литературе: во время разгона Силами быстрого реагирования митинга беджа в Порт-Судане в 2005 г. были «случайно застрелены» один нубиец и один кордофонец, скорее всего по той причине, что они были одеты в седери [Young, 2007, с. 11].

Что касается проявлений нематериальной культуры, то в данном случае определяющее значение играют язык («приветствую всех, кто говорит на бедауйе»), а также музыка и танец, которые достигают эффекта «радости узнавания» у носителей культуры. Контент подобного

рода вызывает у представителей габил беджа чувства братства с членами других габил и гордости за свою культуру.

Как показал анализ источников, элементы традиционной культуры обладают для беджа значительной интегрирующей силой как на этническом уровне, так и на надэтническом. О поиске надэтнической идентификации через сопоставление традиционных танцев свидетельствует и наш полевой материал (эпизод с индийским танцем, приведённый выше). Другой пример, подтверждающий данную тенденцию, мы находим в СМИ. Так, музыкант-беджа из Порт-Судана Нури Джабер, который занимается популяризацией традиционной музыки своего народа, говорит следующее: «если вы поедете в Джибути и послушаете их музыку, музыка беджа имеет намного больше общего с ней, чем с любой другой музыкой в самом Судане» (Электронный ресурс. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/7/6/beja-power-music-resistance-eastern-sudan-red-sea-coast>, дата обращения – 25.08.2023).

Следовательно, вопреки распространённому мнению, что интернет – это прежде всего тексты [Белоруссова, 2021, с. 127], мы можем констатировать, что для беджа не менее важным является видео-контент. Трансформация интернета в пространство в первую очередь визуальных образов началось ещё в середине первого десятилетия XXI в. [Турский, 2013, с. 32]. На данном этапе можно считать, что поворот к преобладанию видеоконтента состоялся. Более того именно видеоролики оказываются в центре внимания бесписьменных народов, когда они пользуются сетью.

Если узнавание и сравнение визуальных образов является отправной точкой в конструировании различных уровней идентичности беджа, то идеологическим фундаментом (как и на уровне габил) выступают метафоры родства. На «этническом» уровне кооперации это выражается в терминологии «братства». В надэтнической плоскости мы встречаем представления об «общности крови» и «одинаковом ДНК», что можно трактовать как «биологическую метафору родства» в терминологии М. Саллинса [Sahlins, 2013]. Примечательно, что к «родству по крови» апелли-

⁵ Беджа бишариин Ум-Али Амраб. Поселение Га-бай, котловина Ониб (Хофра), провинция Красное море, Республика Судан. Материалы пятого сезона Нубийской экспедиции МГУ (ноябрь-декабрь 2022 г).

руют как сторонники «арабской версии» происхождения беджа, так и апологеты «кушитской».

Заключение

Антропологические интернет-исследования идентичности беджа, несмотря на некоторые методологические ограничения, на наш взгляд, имеют широкие перспективы. Они связаны не только с принципиальной новизной виртуального измерения как площадки для манифестации культуры беджа, но и со скоростью пополнения источников такого рода, позволяющей наблюдать за конструированием чрезвычайно лабильной идентичностью беджа практически в режиме «реального времени», поскольку скорость изменения интернет-пространств намного выше, чем скорость трансформации материальной культуры, представлений и повседневных практик в «реальном мире» [Головнёв, 2020].

Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта 23-Ш02-22 (номер договора 004179) НОШ МГУ Сохранение мирового культурно-исторического наследия «История, антропология и этнология северо-восточной Африки в контексте экологических изменений за последние 13 тыс. лет (опыт междисциплинарных исследований)».

Библиография

- Белоруссова С.Ю. Силакряшен: виртуальная жизнь непризнанного народа // Сибирские исторические исследования, 2019. №2. С. 41-63.
- Белоруссова С.Ю. Киберэтнография: методология и технология // Этнография, 2021. №3 (13). С. 123-145.
- Бондаренко Д.М. Оттенки черного. Культурно-антропологические аспекты взаимовосприятия и взаимоотношений африкано-американцев и мигрантов из стран субсахарской Африки в США. М.: ЯСК. 2016.
- Бухарин М.Д., Крол А.А. Береника Всезлатая: АльАллаки Дерахейб: археологическая реальность в контексте исторической географии // Вестник древней истории, 2020. Вып. 80. №1. С. 171-191.
- Головнёв А.В. Киберскорость. Этнография, 2020. №3 (9). С. 6-32.
- Головнёв А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб.: МАЭ РАН. 2021. 280 с.

Елфимов А.Л. Полилокальная этнография вчера и сегодня: разговор с Джорджем Маркусом // Этнографическое обозрение, 2020. № 6. С. 106-126.

Кандинов М.Н., Крол А.А. Строительные материалы в средневековой архитектуре археологического памятника Дерахейб (Судан) // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2021. № 3. С. 109-119. DOI: 10.32521/2074-8132.2021.3.109-119.

Киссер Т.С. Виртуальная идентичность российских немцев // Сибирские исторические исследования, 2019. № 2. С. 64-84.

Крол А.А. Маршруты хаджа из Египта в Ал-Хиджэб через Восточную пустыню и порт Айзаб в IX-XV вв. // Восток (Oriens), 2018. № 2. С. 21-30.

Крол А.А., Березина Н.Я., Зайцев Ю.П., Решетникова Н. А. Сезон 2018 года Нубийской археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова на памятнике Дерахейб (Республика Судан) // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2019. № 2. С. 134-144. DOI: 10.32521/2074-8132.

Крол А.А., Березина Н.Я., Гордеев Ф.И., Калинина О.С., Толмачева Е.Г., Чиркова А.Х., Лейбова Н.А. Исследования Нубийской Археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея Антропологии МГУ в центральном Атбае (2017-2022) // Восточные полевые исследования Материалы Всероссийской научной конференции 2021-2022 гг. Избранные доклады. М.: ИВ РАН, 2023. С. 258-296.

Крол А.А., Толмачева Е.Г. «Северная крепость» средневекового города аль-Аллаки на основании письменных и археологических источников IX-XII вв. // Восток (Oriens), 2023, в печати.

Полов В.А. Неотрадиционализм, неонационализм и неоколониализм в Африке: постколониальный дискурс // Африка: постколониальный дискурс: тезисы докладов Всероссийской конференции. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 92-94.

Турторский А.В. Развитие интернет-ресурсов по этнографической / антропологической тематике в 2003-2013 гг. // Историческая информатика, 2013. № 2. С. 31-41.

Федорчук О.А., Чиркова А.Х., Ладынин И.А., Березина Н.Я. Краниологическая характеристика средневекового населения Северного Судана (на примере материалов памятника Дерахейб) // Археология, этнография и антропология Евразии, 2023. в печати.

Хохолькова Н.Е. «Африканцы XXI века»: репрезентация транскультурной идентичности в виртуальном пространстве. // Этнография, 2020. №3 (9). С. 90-102.

Хохолькова Н.Е. Африканская диаспора // Этнография, 2021. №3 (13). С. 191-206.

Информация об авторах

Гордеев Фёдор Игоревич; ORCID ID: 0000-0003-1647-8327; fedorgordeev98@gmail.com;

Турторский Андрей Владимирович, к.и.н.; ORCID ID: 0000-0003-4651-4667; tutotski@hist.msu.ru;

Чиркова Алина Харисовна, к.и.н.; ORCID ID: 0000-0002-43320747; melnichuk.alina@mail.ru.

Поступила в редакцию 18.08.2023,
принята к публикации 21.08.2023.

¹⁾ *Lomonosov Moscow State University, Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Mokhovaya st., 11, Moscow, 125009, Russia*

²⁾ *Moscow State University, Faculty of History, Department of Ethnology, Leninskie Gory, 1(12), Moscow, 119192, Russia*

³⁾ *The Paleoethnology Research Center, Novaya ploshad', 12/5, Moscow, 109012, Russia*

BEJA VIDEO DATA ON THE INTERNET: LOCAL AND GLOBAL DIMENSIONS OF IDENTITY

Introduction. *The article considers the processes of identity manifestation and construction of the Beja people on the Internet.*

Materials and methods. *The study was carried out as part of an interdisciplinary research of the history, anthropology, geology, and ethnography of the Atbay region in northeastern Sudan, initiated by Lomonosov Moscow State University. The authors emphasize the importance of the online space for the identity manifestation of stateless cultures. The analysis of online sources is preceded by a consideration of the historical conditions and special traits of Beja self-perception. Comments from YouTube video hosting users on videos dedicated to the history and culture of the Beja people are involved as sources for the study.*

Results and discussion. *As a result of their analysis, four main patterns of Beja identity are determined: supra-ethnic cooperation with the "Arab world"; the association of Beja with the "pancushitic" community; and "ethnic identity" limited by the boundaries of the Beja community itself. The authors conclude that the Beja identity on the Internet is constructed in two dimensions: "global" and "local". The "global" level is represented by mainly the African diaspora, the "local" one – by Internet resources that are used by residents of the East African region. The findings made in the online study are compared with the ethnographic materials collected by the authors in Atbay region among the Beja Bishariin, physical anthropology data and historical evidence. Some excerpts from an interview with Mr. Onur, who comes from the Beja Ertega tribe (acted as Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of the Republic of Sudan to the Russian Federation until 2022) are also included in analysis.*

Conclusion. *As a result of comparing all types of data, the authors conclude that the Beja identity exhibits a high degree of lability. It is suggested that the reasons for such lability may be related to the historical conditions of the Beja ethnogenesis on the periphery of ancient civilizations and to the significant heterogeneity of the historical population of the Eastern Desert in all the historical periods under consideration.*

Keywords: Beja people; identity; digital ethnography; multilocal anthropology; pan-Arabism; pan-Africanism

DOI: 10.32521/2074-8132.2023.3.127-138

References

Belorussova S.Yu. Silakryashen: virtual'naya zhizn' nepriznannogo naroda [Power of Kryashens: the virtual life of the unrecognized people]. *Sibirskiy istoricheskiy issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2019, 2, pp. 41-63.

Belorussova S.Yu. Kiberetnografiya: metodologiya i tekhnologiya [Cyberethnography: methodology and technology]. *Etnografiya* [Ethnography], 2021, 3 (13), pp. 123-145.

Bondarenko D. Ottenki Chernogo. Kul'turno-antropologicheskie aspekty vzaimovospriyatija i vzaimootnoshenij afrikano-amerikancev i migrantov iz stran sub-saharskoj Afriki v SShA [The shades of black. Cultural-Anthropological Aspects of Mutual Perceptions and Relations between African Americans and African Migrants in the USA] Moscow: FLD, 2016.

Bukharin M.D., Krol A.A. Berenika Vsezlataja: Al'Allaki Derakheyb: arkheologicheskaya real'nost' v kontekste istoricheskoy geografii [Berenice the All-Golden: Al'Allaki Derakheyb: Archaeological Reality in the Context of Historical Geography]. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of Ancient History], 2020, 80 (1), pp. 171-191.

Golovnov A. V. Kiberskorost' [Cyberspeed]. *Etnografiya* [Ethnography], 2020, 3 (9), pp. 6-32.

Golovnov A.V., Belorussova S.Yu., Kisser T.S. *Virtual'naja jetnichnost' i kiberjetnografiya* [Virtual ethnicity and cyberethnography]. Saint-Petersburg: MAE RAN, 2021. 280 p.

Elfimov A.L. Polilokal'naya etnografiya vchera i segodnya: razgovor s Dzhordzhem Markusom [Multisite anthropology yesterday and today: a conversation with George Marcus]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review.], 2020, 6, pp. 106-126.

Kandinov M. N., Krol A. A. Stroitel'nyye materialy v srednevekovoy arkhitekture arkheologicheskogo pamyatnika Derakheyb (Sudan) [Building materials in the medieval architecture of the archaeological site Deraheib (Sudan)]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya] 2021, 3, pp. 109-119. DOI: 10.32521/2074-8132.2021.3.109-119.

Kisser T.S. Virtual'naya identichnost' rossiyskikh nemtsev [Virtual identity of Russian Germans]. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2019, 2, pp. 64-84.

Krol A. A. Marshruty khadzha iz Yegipta v Al-Khidzhaz cherez Vostochnuyu pustynyu i port Ayzab v IX-XV vv. [Routes of the Hajj from Egypt to Al-Hijaz through the Eastern Desert and the port of Aizab in the 9th-15th centuries]. *Vostok (Oriens)* [The East (Oriens)], 2018, 3, pp. 21-30.

Krol A. A., Berezina N. YA., Zaytsev YU. P., Reshetnikova N. A. Sezon 2018 goda Nubiyskoy arkheologoantropologicheskoy ekspeditsii NII i Muzeya antropologii MGU imeni M.V. Lomonosova na pamyatnike Derakheyb (Respublika Sudan) [Season 2018 of the Nubian archaeological and anthropological expedition of Lomonosov State University...]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya], 2019, № 2, pp. 134-144. DOI: 10.32521/2074-8132.

Krol A.A. et al. Issledovaniya Nubiyskoy Arkheologoantropologicheskoy ekspeditsii NII i Muzeya Antropologii MGU v tsentral'nom Atbaye (2017-2022) [Research of the Nubian Archaeological and Anthropological Expedition of Lomonosov State University in Central Atbay (2017-2022)]. In *Vostokovednyye polevyye issledovaniya Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii 2021-2022 gg. Izbrannyye doklady* [Oriental Field Research... Selected reports] – Moscow, IV RAN, 2023, pp. 258-296.

Krol A.A., Tolmacheva Ye.G. «Severnaya krepost'» srednevekovogo goroda al'-Allaki na osnovanii pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov IX-XII vv. [The "Northern fortress" of the medieval city of al-Allaki based on written and archaeological sources of the 9th-12th centuries]. *Vostok (Oriens)* [The East (Oriens)], 2023. in press.

Popov V.A. Neotraditsionalizm, neonatsionalizm i neokolonializm v Afrike: postkolonial'nyy diskurs [Neotraditionalism, neo-nationalism and neo-colonialism in Africa: post-colonial discourse]. In *Afrika: postkolonial'nyy diskurs: tezisy dokladov Vserossiyskoy konferentsii. Yaroslavl'. Filigran' Publ* [Africa: post-colonial discourse: abstracts of the All-Russian Conference], 2020, pp. 92-94.

Tutorskiy A.V. Razvitiye internet-resursov po etnograficheskoy / antropologicheskoy tematike v 2003-2013 gg. [Development of Internet resources on ethnographic / anthropological topics in 2003-2013]. *Istoricheskaya informatika* [Historical informatics], 2013, 2, pp. 31-41.

Fedorchuk O.A et al. Kraniologicheskaya kharakteristika srednevekovogo naseleniya Severnogo Sudana (na primere materialov pamyatnika Derakheyb) [Craniological characteristics of the medieval population of Northern Sudan (on the example of materials from the Deraheib site)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2023. in press.

Khokhol'kova N.Ye. «Afrikantsy XXI veka»: reprezentatsiya transkul'turnoy identichnosti v virtual'nom prostanstve ["Africans of the 21st century": representation of transcultural identity in the virtual space.]. *Etnografiya* [Ethnography], 2020, 3 (9), pp. 90-102.

Khokhol'kova N.Ye. Afrikanskaya diaspora [African Diaspora]. *Etnografiya* [Ethnography], 2021. 3 (13), pp. 191-206.

Abdel-Qadr M., Wendrich W. Z., Kosc Z., Barnard H. Giving a Voice to the Ababda. *The history of the peoples of the Eastern Desert*, 2012, pp. 398-415.

Babiker M., Pantuliano, S. *Addressing chronic livelihoods vulnerability in Red Sea State, Sudan*. A report prepared for OXFAM GB. London, 2006.

Bernal V. Eritrea on-line: Diaspora, cyberspace, and the public sphere. *American Ethnologist*, 2005, 32 (4), pp. 660-675.

Clark W.T. Manners, Customs and Beliefs of the Northern Beja. *Sudan Notes and Records*, 1938, 1 (21), pp. 1-29.

Diamandaki K. Virtual Ethnicity and Digital Diasporas: Identity Construction in Cyberspace. *Global Media Journal*, 2003, 2, pp. 3-14.

Dumoulin M. *Les forums électroniques: délibératifs et démocratiques?* Québec, 2002.

Gerth H. Zoroastrians on the Internet, a quiet social movement: Ethnography of a virtual community. *UNLV Theses, Dissertations, Professional Papers, and Capstones*, 2009, 49. URL: <http://dx.doi.org/10.34917/1363773>.

Herzog, R. Kulturelle Kontinuität der Bedja vom Altertum bis zur Gegenwart. *Ägypten – Dauer und Wandel*. Mainz am Rhein, 1985.

Hongur G. Soundscapes and borderscapes: Music as a counter-mapping discourse in the Kurdish nationalist movement. *Studies in Ethnicity and Nationalism*, 2022, 1 (22), pp. 28-42.

Lebedev M., Reshetova I. Cutting graves in ancient ruins. The medieval cemetery at Abu Erteila (seasons 2012-2015). *Medieninhaber und Herausgeber: Verein der Förderer der Sudanforschung, Redaktion: Michael H. Zach, Institut für Afrikawissenschaften der Universität, Wien: Österreich*, 2017, pp. 165-191.

Lizska K. «We have come from the well of Ibhēt»: ethnogenesis of the Medjay. *Journal of Egyptian History*, 2011, 4, pp. 149-171.

Marcus G. E. Multi-Sited Ethnography: Five or Six Things I Know about It Now. *Multi-sited Ethnography: Problems and Possibilities in the Translocation of Research Methods*. Ed. by S. Coleman, P. von Hellermann. New York: Routledge, 2012, pp. 16-34.

Sahlins M. *What Kinship is – and is not*. Chicago: University of Chicago Press, 2013. 120 p.

Smith S.T. *Wretched Kush. Ethnic identities and boundaries in Egypt Nubian Empire*. London; NY, 2003.

Vanhove M. *The Beja language today in Sudan: the state of the art in linguistics*. Bergen, 2006.

Viveiros de Castro E. Cosmological Deixis and Amerindian Perspectivism. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 1998, 3 (4), pp. 469-488.

Young, J. *Beja Local conflict, marginalisation, and the threat to regional security*, 2007. URL: https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/CPRDP_APERBEJA.PDF.

Information about Authors

Gordeev Fedor Igorevich; ORCID ID: 0000-0003-1647-8327; fedorgordeev98@gmail.com;

Tutorskiy Andrey Vladimirovich, Ph.D.; ORCID ID: 0000-0003-4651-4667; tutotski@hist.msu.ru;

Chirkova Alina Kharisovna, Ph.D.; ORCID ID: 0000-0002-43320747; melnichuk.alina@mail.ru.

© 2023. This work is licensed under a CC BY 4.0 license